

## Ф.Сологуб

### Страна, где воцарился зверь

На полуистлевших от времени листах папируса начертано много сказаний о делах и людях, давно отошедших в неизменную вечность. И вот одно из них.

Оно несвободно от неясностей, причина которых, по всей вероятности, в том, что от целой рукописи сохранились лишь обрывки и смысл целого пришлось восстанавливать, пользуясь аналогиями. Самое название страны неведомо нам, и конец рассказа не сохранился. В тех частях истории, которые носят фантастический характер, не совсем ясно, говорит ли древний летописец иносказательно, или и сам верит рассказу о чудесном превращении жестокого юноши.

Надлежало выбрать царя. И старейшины решили предоставить выбор судьбе.

Пред наступлением ночи вынесено было за городские ворота золотое, драгоценными изумрудами и сапфирами украшенное яйцо и положено при дороге в траву. Кто придет из чужой страны, издалека и поднимет затаенное в траве золотое яйцо, тот и будет царем в городе. Был ли таков обычай того места, или на этот раз особые гадания указали старейшинам города такой способ выбора, — не знаю. Но, по соображению некоторых обстоятельств события, предпочитаю второе объяснение.

Блистающий и светлый взошел над страной пламенеющий в небе Дракон, которому люди дают имя дневного светила, красного солнца, — блистающий и светлый, как и надлежало быть тому дню, когда великий воцарился над тою страной владыка. Старейшины вышли к городским воротам, а за ними и весь народ, — и все в благоговейном молчании ждали, кого укажет им судьба в цари.

И долго дорога была безмолвна и пустынна, словно совещались великие боги или демоны той страны и колебались долго, на ком им остановить свой чудесный выбор. И наконец решили.

По дороге, приближаясь к городу, шли два отрока, едва прикрытые грубыми и рванными одеждами. Один из них был смугл, тонок и черноволос; на голове другого вились рыжие кудри, сиявшие золотом в златопламенных взорах воздымавшегося на гору небес Змия. Тело рыжего отрока было оливкового цвета, щеки его пламенели румянцем, и глаза горели ненасытным желанием.

Впрочем, лица обоих отроков были так сходны, как будто смуглое лицо одного отразилось в дивно пламеневшем зеркале, и возник из-за чародейного стекла румяный и златоволосый двойник.

Весело разговаривая друг с другом и беспечно смеясь, отроки уже миновали затаенное в траве золотое яйцо. И приближались к городским воротам.

Гулкий тысячеустый ропот толпы вдруг остановил их. Испуганные и смущенные, стояли отроки у края пыльной дороги и озирались вокруг, стараясь понять, на что смотрит и

дивится все это шумное множество. Смуглый отрок первый увидел яйцо. И подошел к нему.

— Смотри, Метейя, какая красивая в траве лежит игрушка, — сказал он своему другу.

И поднял яйцо. Рыжеволосый Метейя подбежал к нему и, с жадностью простирая к смуглому отроку руки, воскликнул просящим голосом:

— О, миленький Кения, отдай, отдай мне это золотое яичко! Дай, дай мне его.

Засмеялся Кения и отдал яйцо Метейе, говоря:

— На, возьми. Пусть оно будет твоим, если так тебе его захотелось.

И зарадовался Метейя. Подбрасывал яичко и любовался переливною игрою многоценных камней на нем.

Тогда вышли из ворот старейшины городские и поклонились отроку Метейе, держащему в руках золотое яйцо, и нарекли его царем того города.

Возник было в народе спор, кому быть царем. Некоторые легкомысленные юноши говорили, что на черноокого Кению надлежит возложить царскую диадему.

Говорили:

— Черноокий отрок поднял яйцо наше и потом по своей воле дал его рыжему и жадному мальчишке. Черноокому и прекрасному Кении надо быть нашим царем, он щедр и великодушен, как и подобает быть царю.

И прекрасные девы, подстрекая к непокорству любезных им юношей, шептали:

— Золотую диадему на смоляно-черные волосы Кении возложить, — как это будет красиво!

Но старые люди говорили:

— Царь не тот, который отдает, а тот, который требует и берет. Владыка нужен городу, а не мягкосердечный отрок с женственною душою.

И когда немногие приверженцы Кении вздумали упорствовать и длить бесполезные, но смущающие толпу споры, их связали, и тела их сожгли.

Так воцарился в той стране Метейя. Сказал вельможам:

— С другом моим Кениею шли мы долгим и трудным путем. Черные очи милого моего друга заметили в густой траве мое царское яйцо. Верным и преданным другом моим был и пребудет Кения, и место его да поставится самое первое, по правой стороне от моего царского, блистающего и украшенного ложа. На друга моего Кению самые богатые и красивые, какие только найдутся в городе, наденьте одежды и на руку ему дайте самое дорогое и красивое кольцо.

И сделали так, как повелел царь Метейя. По правой стороне от царя сидел отрок Кения, но не возгордился. Черные глаза его мерцали, как две погасшие, но все еще прекрасные звезды. Уста его алели, как две розы, как две яркие розы, над которыми рыдает соловей. И золотое кольцо с алмазом сверкало на его руке, как вечерняя звезда на багрово-дымном небе заката. И были глаза его без сияния, уста его без улыбки, и руки его не радовались.

Черными и спокойными смотрел он на царя Метейю глазами, и стало грустно царю Метейе, и однажды спросил царь Метейя друга своего Кению:

— Милый друг мой Кения, не завидуешь ли ты мне?

Кения склонил низко голову, как надлежит делать тем, к кому обращено царское высокое слово, и сказал спокойно:

— Великий царь, я тебе не завидую.

Царь нахмурился и спросил снова:

— Милый Кения, не хочешь ли ты быть царем?

И ответил Кения:

— Я не хочу быть царем.

— Кения, ты, может быть, думаешь, — продолжал спрашивать царь, — что ты поднял яйцо и потому имеешь право быть царем?

— Я поднял мое яйцо, — спокойно ответил Кения, — и подарил его тебе, царь. Теперь ты можешь владеть им и царствовать спокойно, — никто не отнимет его от тебя.

Замолчал царь Метейя и не знал, что еще спросить. Но черная досада томила царское сердце. И склонился к царю старейший и хитрейший из вельмож, седобородый Сальха, и стал шептать царю в уши злые и коварные речи.

— Великий царь, сокровище и утешение наше, — шептал Сальха, — твой друг Кения, которого за его красоту так похваляют неразумные юноши и любострастные девы, тот Кения, которого ты, по своей царской милости, возвел на высочайшее место и посадил по правую сторону от твоего пресветлого царского ложа, — он легкомысленно и дерзко называет своим яйцо, которое было у тебя в солнечно-пламенеющих перстах в то время, когда мы вышли из-за городской ограды и, преклонившись пред твоим величием и твоею дивною красотой, нарекли тебя нашим владыкою. Своим называет он яйцо, которое могущественные боги этой страны вложили в твои державные руки.

Царь Метейя покраснел от гнева, и глаза его засверкали нестерпимым пламенем. Гневные обратил он взоры на друга своего Кению, но не смутился смуглый, черноокий отрок и пребывал безмолвным, неподвижным и спокойным, как черная ночь без зарниц и без звезд.

И приблизился к царю Метейе другой вельможа, творящий в той стране верховный суд, мудрый и злой Ханна, преклонился пред царем и стал шептать ему в уши столь же злые и коварные речи, как и речи коварного Сальхи.

— Великий царь, красотою своею затмевающий прекраснейшие светила небесные, светлым разумом своим и дивными, доблестями превзошедший мудрейших и славнейших в стране нашей и в иных ближних и дальних странах, — так шептал царю злой Ханна, — друг твой Кения, возведенный тобою и щедро награжденный за ничтожную услугу, дерзает думать, а может быть, даже и говорить, что он лучше тебя, потому что он отдал тебе твое царское яйцо и таким образом превзошел тебя в щедрости и великодушии. Друг твой готов стать твоим врагом, великий государь. Воистину, жестокого достоин наказания тот, кто злоумышляет против великого нашего царя.

Дрожа от гнева, сжимая царский посох в трепетных руках, густо покрытых рыжими волосами, царь Метейя спросил друга своего Кению:

— Скажи мне, Кения, кого из нас двоих считаешь ты лучшим и более достойным почитания?

— Великий царь, — спокойно ответил Кения, — люди почитают тебя, как своего владыку, и поклоняются тебе, и я с ними. Я — твой верный слуга и раб и пребуду тебе неизменно верным и послушным.

В гнев царь Метейя встал и воскликнул:

— Боги возвели меня на царский престол, потому что я лучше всех людей в этой стране и во всех других, и лучше тебя.

И ответил Кения:

— Царь, ты и я, — отроки, ничего еще не совершившие на земле, достойного похвалы или порицания. Кто из нас лучше другого, никто этого не знает и не скажет.

— Так, — удивляясь дерзости своего друга, тихо сказал царь Метейя, — и в самом деле не думаешь ли ты, что ты лучше меня, своего царя и владыки?

— Великий царь, — возразил Кения, — я этого не думаю. Я думаю, что мы оба одинаковы. Недаром выросли мы вместе и так похожи один на другого лицом. Когда на румяной заре утренней или при багряно-красном небе заката я наклоняюсь к ручью, чтобы утолить мою жажду, мне кажется, что твое, о царь, лицо с приветливою улыбкою наклоняется ко мне, и твои губы тянутся навстречу моим для сладостного братского целования. Различаясь от меня цветом волос и кожи, пламенея румянцем, который у меня скрыт под смуглым цветом моего тела, ты так похож на меня, как будто отраженное в пламенеющем зеркале мое изображение. Ты прекрасен, как я, и так же, как я, щедр, милостив и великодушен.

И тогда все вельможи подняли шумный, негодующий крик, обвиняя Кению в том, что он осмелился приравнять себя к великому владыке. Яростью наполнилось сердце царя Метейи, и он приказал нещадно бичевать друга своего Кению смолистыми, гибкими плетями.

Когда голый и связанный лежал перед царем Кения, стена и вопя от нестерпимой боли, и багровыми полосами покрывалось его стройное, прекрасное тело, и горячие капли его крови брызгали в лицо царю Метейе, в это время свирепая радость истязаний вошла в

сердце юного царя, — и он громко смеялся и радовался воплям и мучениям друга своего Кении. И все множество предстоящих смеялось вместе с ним.

Возопил тогда Кения:

— О, великий царь, вспомни, что это я поднял и отдал тебе твое царское яйцо, — вспомни и сжался надо мною!

В ответ ему закричал диким, громким голосом разъяренный царь:

— Помню, Кения, все помню, — и чтобы ты вперед не величался предо мною, вот, повелеваю верным слугам моим засечь тебя до смерти.

Исполняя повеление царя, били черноокого Кению до тех пор, пока не затихли его стоны, — и потом вынесли его тело и бросили у порога царского чертога.

С того дня ненасытной жестокостью напилось сердце царя Метейи, и радостны стали ему вопли истязуемых. Всякого, кто говорил слова сожаления о милом отроке Кении или слова укоризны жестокому и неблагодарному царю, всякого приказывал он приводить к подножию его престола и мучить до смерти.

И веселился.

Потом, пресыщенный зрелищем изуродованных тел, опьяненный запахом горячей, изобильно пролитой крови, упивался он винами и забавлялся с плясуньями, очаровательницами змей, гадательницами и другими распутными женами и девами. Вельможи и старейшины городские не останавливали его и пировали с ним вместе, радуясь, что царь не вникает в дела правления и не препятствует им, алчным и жестокосердным, обогащаться на счет вдов, сирот и голодающих от неурожая. Развратные сыновья вельмож пировали с царем и забавляли его своим бесстыдством.

Настали тогда в стране той дни великого плача и смятения. Жены, девы и юноши тайно сходились в лесах по ночам, сожигали богам многие многоценные жертвы и страшными чарами вызывали и заклинали умерщвленного отрока Кению.

И возник из могильного мрака умерщвленный жестокими черноокий отрок.

Однажды, когда царь пировал с своими вельможами и неразумными юношами, пришел к нему Кения. И ужаснулись пирующие.

На вечернем небе догорала быстрая заря. Долины полны были мглистым туманом. Совсем белая на молочно-алом зареве заката светилась первая звезда, — и откинулась вдруг тяжелая завеса царской двери, и темный на светлом зареве зари явился и стал черноокий, черноволосый, весь смуглый, в белой короткой одежде, обнажавшей прекрасные руки и ноги, Кения. Кто-то, бессмысленно-пьяный, еще горланил, повалился щекою на стол, — но безмолвием и ужасом зачарованы были обращенные на Кению взоры пировавших. Звякнула о кипарисные доски пола выпавшая из чьей-то руки золотая чаша, и покатилась тихо, дугообразный чертя по полу путь, между царем и Кениею, и

темная, багряная, как кровь, струя вина коснулась нагих ног восставшего из могильного мрака отрока.

Тихо подошел Кения к царю и сел рядом с ним, по правую сторону, на то место, где сидел раньше и куда еще никого не посадил царь.

Царь спросил, трепеща от страха и от гнева:

— Ты жив, Кения?

И ответил ему Кения:

— Я встал и пришел к тебе. Некогда вместе с тобою шел я в этот город, и были мы оба радостны и невинны. Потом, отдав тебе мое яйцо, рядом с тобою сидел я, незнающий и простодушный. Но вот ярость высокой царской власти распалила твое сердце и разделила нас, и тяжкие по твоей воле перенес я муки. Ныне пришел я к тебе знающий и мудрый и наделенный силою, которой у тебя нет, хотя ты и царь великой страны. Я поднял многоценное яйцо, положенное благими и мудрыми и охраняемое неразумными и злыми. Оно мое, и мое все то, что соединено с его обладанием. Но ныне, изведав, как ярит человека высокая власть, я, Кения, тот, на кого дивно похож лицом царь Метейя, я не хочу быть царем. Да не будет, о великий царь, между нами предмета разделения и раздора. Поделится мирно, — ты оставь себе многоценные изумруды и сапфиры царской власти, а мне отдай тяжелое золото, моими руками поднятое, моею кровью омытое.

Дикий гнев зажег царские взоры, и возопил царь:

— Крамольную слышу речь, мятежный вижу взор непокорного раба. Где же вы, мои верные слуги? Возьмите мятежника, многими измучьте его муками, бейте его перед очами моими, бейте его гибкими смолистыми плетями и кнутах из воловьей кожи, залейте его горло растопленным свинцом, вырвите его черные колдовские глаза.

Так все сделали, как повелел жестокосердно усердным рабам их жестокий царь. Страшным голосом вопил истязуемый отрок. Выше перистых облаков возносились его пронзительные вопли. Выше небес взлетали бы они, если бы над землею простирались небеса.

Замучили до смерти, выволокли изуродованный труп за городскую ограду и бросили на гноище. А вдалеке в это время, чуя свежую кровь, были трусливые шакалы.

Пели в царском чертоге хриплыми с перепоя голосами веселые и непристойные песни. Плясали перед царем голые блудницы. Царь хохотал и тонким хлыстом подстегивал плясуний, чтобы вертелись проворнее.

Полупритворные визги голых блудниц радовали его.

И опять длились дни жестокостей и злодеяний. И опять в глухих лесах заклинали страшными ночными чарами замученного отрока. И опять возник Кения, и опять пришел в царский чертог. Изрубили его на куски и бросили его собакам.

И когда опять пришел Кения, сожгли его вместе с тысячью плакавших о нем юношей и дев. Всех загнали в один дом, обложили его сухим хворостом, облили хворост смолою и зажгли. Радостно-яркое высоко взметнулось пламя, обливая багровою кровью ночные облака, и дикий вопль тысячи сожигаемых разносился далече окрест, пугая свирепых тигров, рыщущих в прибрежных тростниках в поисках за живую добычею. А люди, угождая свирепому своему владыке, плясали вокруг объятого пламенем дома.

Но опять пришел Кения. И ужаснулся разъяренный царь. Спросил непрестанно восстающего отрока:

— Или бесконечными хочешь ты сделать твои и мои муки?

Улыбаясь, возразил Кения:

— Твоя воля, великий царь. Отдай мне мое золото, и будешь покоен.

— Не отдам, — возопил царь, — снова и снова предам тебя несказанным мучениям, доколе не утомишься страданиями, доколе не уйдешь в вечную тьму!

— Царь Метейя, — возразил Кения, — уже не могу я сойти с того круга непрестанных возвращений к тебе, на который поставили меня верховные силы. Или отдай мне золото моего яйца, или своими зубами загрызи меня, пожри меня, как дикий зверь пожирает добычу, которую подстережет в пустынном месте. И станешь тогда зверем, но зато победишь меня, и к тебе, зверю, уже я не приду никогда.

Поник головою царь Метейя. Долго думал. Наконец сказал:

— Да будет так. Я — царь, и мне надлежит победить тебя, какою бы то ни было ценою. Лучше быть зверем, побеждающим и торжествующим, чем человеком, который уступает и отдает свое.

Засмеялся черноокий Кения. Тогда дивное превращение в один миг свершилось с царем. Все тело его покрылось густою рыжею шерстью, такого же цвета, какими были у Метейи волосы. Гибким, как у бенгальского тигра, стало тело Метейи, опустилось на четвереньки, — взметнулся внезапно выросший напряженный хвост, — острые когти явились на руках и ногах, обратившихся в огромные страшные лапы. Прекрасная страшно изменилась голова: челюсти стали огромны, и ужасные во рту засверкали клыки, белые, изогнутые, острые.

Зеленые огни зажглись в округлившихся глазах Метейи. Яростно вопиющий голос царя Метейи стал рыканьем дикого зверя, наводящим ужас на отважнейших мужей. Проворным, могучим прыжком бросился обращенный в зверя Метейя на Кению и, радостно мурлыча и ворча, стал пожирать его сладкую плоть, дробя зубами его кости, и трепетно прядали косматые звериные уши, внимая последним воплям Кении.

Пожрал друга своего царь Метейя, обратившийся в зверя. Вельможи и старейшины радовались и славили царя Метейю. Говорили они, упоенные злобною радостью:

— Дивное чудо сотворили великие боги в знак милости к нашей стране. Возлюбленному царю нашему Метейе дали они грозный облик зверя, чтобы его страшные когти и могучие челюсти сокрушали кости его врагов, как хрупкий, хрустящий тростник.

И водили зверя по улицам на страх трепещущим врагам. Блестящую диадему увенчана была голова зверя, алмазное ожерелье висело на его шее, яркие яхонты и блестящие изумруды сверкали в рыжей звериной шерсти.

Благоуханными цветами нагие девы осыпали путь зверя, — и облит был жаркою кровью его страшный след. Народ повергался ниц перед высоким зверем, и зверь выбирал себе добычу среди покорно склоненных и нежные пожирал тела юношей и дев.

Темён конец повествования. Дева с горящим углем в груди (может быть, следует читать «дева с пламенным сердцем») умертвит зверя, — так обещали ночные гадания в тайном лесу. Но был ли умерщвлен зверь? Освободились ли из-под ужасной власти свирепого зверя трепетавшие перед ним люди? Неведомою осталась судьба страны, где воцарился зверь, и самое имя страны поглощено забвением.